

Имперский период российской национальной политики на Северном Кавказе на примере Республики Дагестан

Гущ Владимир Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
guschv107@rambler. ru

РЕФЕРАТ

В статье дается анализ имперского периода национальной политики России на Северном Кавказе на примере Дагестана. Временные рамки исследования: конец XVIII — начало XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Российское государство, национальная политика, Северный Кавказ, Дагестан

Gushch V. V.

Imperial Period of Russian National Policy in the North Caucasus, on the Example of Dagestan

Gushch Vladimir Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of History and Political Sciences
guschv107@rambler. ru

ABSTRACT

The article analyzes the imperial period of Russian national policy in the North Caucasus as an example of Dagestan. Time frame research: the end of XVIII - beginning of XX centuries.

KEYWORDS

Russian state, national policy, the North Caucasus, Dagestan

В процессе своего развития и в борьбе за имперскую идентичность и суверенитет Российское государство, находящееся на стыке множества культур или даже цивилизаций, выпадало из одной определенной идентичности: не европеец и не азиат, не дикарь и не вполне цивилизованный субъект мирового развития.

Россия отстаивала свое право на суверенное существование различными средствами, в том числе путем многочисленных войн. Результатом явился не имеющий аналогов территориальный рост государства. Образно говоря, за 300 лет царствования династии Романовых Российская империя расширялась со скоростью 140 км² в день [3, с. 186].

Многие народы, прося защиты и покровительства, входили в состав империи добровольно, другие же этносы и народности становились заложниками борьбы за сферы территориально-стратегического влияния и поневоле включались в глобальную политическую борьбу.

Российское государство и его цивилизаторская миссия контрастно отличались от колониальной политики западных стран. Россия не просто присоединяла территории, она впитывала в себя культурный код присоединенных народов и этносов, сохраняя их самобытность и не разрушая их родоплеменные порядки. В опреде-

ленном смысле, Россия сохраняла за собой имидж покровителя и защитника малочисленных этносов, миссионера-цивилизатора и «ретранслятора европейских идей и ценностей», по меткому определению В. В. Дегоева [4, с. 186].

Принципиальные позиции концепции российской национальной политики нашли свое отражение в выступлении В. В. Путина на Валдайском форуме: «Россия — это государство-цивилизация. В России, на которую пытались в свое время навесить ярлык “тюрьмы народов”, не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство. В России накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность»¹.

К середине XIX в., который стал для России «золотым веком» имперской славы и доблести русского оружия, территория Российской империи составила 23,7 млн км². В состав Российской империи вошло более 100 новых народов и народностей со своей самобытной культурой, хозяйственным укладом и различным уровнем цивилизованности. Россия окончательно сформировалась как полиэтническая империя.

Действия в вопросах национальной политики в Российской империи регулировались двумя основными законодательными актами:

- во-первых, Указом Екатерины II от 28 февраля 1792 г. об отношении к горским народам, в котором предписывалось «не единою силою оружия побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью» [6, с. 224]. Кавказскому командованию вменялось в обязанность строго следить, чтобы от русских подданных «не было чинено ни малейшее притеснение и обиды горцам» [6, с. 224];
- во-вторых, Уставом об управлении инородцев от 22 июля 1822 г., который является фактически первым официальным документом по вопросам национальной политики.

Согласно этому Уставу, «инородцы» (за исключением народов европейской части Российской империи) были разделены на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Такое деление определяло их административный и правовой статус. Многие положения Устава действовали до Февральской революции 1917 г.

Приведем некоторые параграфы этого документа:

§13. «Все вообще оседлые инородцы сравниваются с Россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений»;

§34. «Инородцы управляются собственными своими Родоначальниками и почетными людьми, из коих составляется их степное Управление».

§37. «Уголовными делами относительно инородцев почитать: 1) возмущение, 2) намеренное убийство, 3) грабеж и насилие, 4) делание ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества. Все же прочие дела, не выключая и кражу, пока нравы их образованием не умягчатся, считать исковыми»².

В приведенных пунктах Устава наблюдается дифференцированный подход к местному управлению и национальной политике для разных народов и территорий,

¹ Речь Путина В. В. на Валдайском форуме // Российская газета: Неделя. 2013. 26 сентября : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/26/valdai.html> (дата обращения: 19.06.2014).

² Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. № 29126. СПб., 1830.

входящих в состав Российской империи, который и помог сохранить малым народам свою культуру и самобытность.

Это важный принцип национальной политики Российской империи, который можно определить как «*лояльно-державный*». Однако подавляющее влияние на реализацию национальной политики на Кавказе оказывало местное генерал-губернаторство. Так, позицию ряда наместников могут проиллюстрировать следующие высказывания А. П. Ермолова: «Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников... Я видел много народов, но таких непокорных и неподдающихся, как чеченцы, на земле не существует, и путь к завоеванию Кавказа лежит через покорение чеченцев, а точнее, через полное их уничтожение»¹. Более умеренную позицию занимал генерал Н. Ф. Ртищев. Она выражалась в понимании необходимости установления тесных контактов с местным населением, путем «*постепенно-го подкупа ее элиты*» [5, с. 358].

Можно утверждать, что национальная политика Российской империи носила двойственный характер, выражавшийся в борьбе контрастов: просветительства, покровительства и имперского давления отточенной военной машины. Во многом силовое давление было обусловлено конкуренцией с Османской империей, Персией и косвенно с Англией. Поэтому рассматривать завоевание Северного Кавказа как самоцель было бы неверно. По-существу, Северный Кавказ являлся плацдармом для осуществления дальнейших российских политических амбиций: продвижения дальше на Восток и воплощения сакральной мифологизированной мечты — овладения Царьградом. Кавказский хребет представляет собой естественное фортификационное сооружение, которое является оборонительно-наступательной линией.

Динамизм территориально-национального развития Российской империи и ин-формационное отставание вызывали разрыв теорией и практикой в принятии решений по национальному вопросу. Властные и законодательные импульсы физически не успевали реагировать на динамику развивающихся событий, этим вызвана ситуационная практика в решении многих национальных проблем. Поэтому было бы неверно рассматривать имперскую национальную политику в отрыве от действий царских наместников в национальных окраинах империи. Фактор личности наместника играл важную роль в развитии имперского мультикультурного пространства.

Например, опыт военных действий генерала Ермолова 1814—1826 гг. в полупартизанских условиях, в недоступных горных районах имеет огромное практическое значение. Если бы эти знания и исторический опыт учитывались в современных вооруженных конфликтах на территории с экстремальным ландшафтом, то неподготовленные боевые действия в Афганистане и зимний штурм Грозного 1994 г., безусловно, были бы отвергнуты уже на стадии проектов.

Национальную политику Российской империи в Дагестане можно разделить на два основных этапа, протекавших одновременно, — колонизацию и интеграцию. Дагестан перешел под полную юрисдикцию России по Гюлистанскому мирному договору с Персией в 1813 г. Но его активная интеграция в российское социально-экономическое пространство началась после окончания Кавказской войны, длившейся более полувека, завершение которой связывают со взятием Гуниба и пленением политического и религиозного лидера имама Шамиля 25 августа 1859 г. Не желая полного разорения Дагестана, Шамиль предпочел добровольно сдаться в плен.

Важную роль в последующих событиях сыграли последние распоряжения и представления Шамиля. В своем завещании он писал: «В отношениях с русскими сле-

¹ Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией : [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 30.05.2014).

дуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чашу весов справедливость, перетянут больше в сторону добра» [8, с. 259].

С завершением Кавказской войны в менталитете народов Дагестана прослеживается идеологический перелом, происходит определенная переориентация политических взглядов: непоколебимый имидж всемогущих восточных империй (персов и османов) рухнул на их глазах под натиском штыков русского солдата. Духовно-нравственное (единоверное) влияние Османской империи и Персии заметно снижается, ряд мусульманских религиозных деятелей вступают в активное сотрудничество с имперским правительством. Этносы Дагестана постепенно вливаются в культурно-идеологическое имперское пространство. Местная элита отправляет своих сыновей на обучение в кадетские корпуса и прочие военные училища. Духовный и военный руководитель Шамиль со всеми своими сыновьями присягнул на верность российскому престолу. Времена формального «изъявления покорности» остались в прошлом.

Перед Российской империей встала трудная задача мирного обустройства региона с изначально низким уровнем экономического развития. В военные годы хозяйственный потенциал Дагестана фактически оставался невостребованным, но к концу века, с установлением мира, экономика края начала быстро развиваться, перемены произошли и в социально-культурной жизни дагестанцев. С 1864 по 1880 г. были построены Шуринско-Петровская, Кахетинская и Аваро-Андийская дороги, появились промышленные предприятия. В Дагестане стали открываться технические и ремесленные школы, библиотеки и типографии, фельдшерские пункты¹.

Весь региональный документооборот был переведен на русский язык. Но на бытовом уровне языком, связующим разрозненные этносы, по-прежнему оставался арабский, которым, в силу его сложности, владели немногие. Большинство же изъяснялось на своих этнических языках и диалектах [7, с. 117—118].

Теоретическая база русификации и «кириллизации» алфавитов местных языков была заложена в конце XIX — начале XX вв. Огромный вклад в продвижение и распространение русского языка и, вообще, в развитие языковедения на Кавказе, в частности в Дагестане, внес генерал-майор и лингвист-кавказовед барон Петр Карлович Услар. Он явился создателем алфавитов некоторых дагестанских языков (табасаранского, лакского, лезгинского, аварского, даргинского и пр.). Его теоретические и методологические исследования легли в основу русской языковой экспансии на территории Дагестана и всего Северного Кавказа, в том числе, и в советский период².

Новым этапом интеграции региона в российское политическое и экономическое пространство стало создание кавказских полков, состоящих из горцев. В годы Первой мировой войны под руководством русских офицеров они принимали активное участие в боевых действиях. Бывший офицер Кабардинского конного полка, юрист по образованию, Алексей Арсеньев в очерке «Кавказская туземная конная дивизия» писал: «Странное дело! Поставленные судьбой в необходимость покориться России и узнать Ее, люди и народы, дотоле бывшие Ее врагами, — переставали быть ими! Большинство туземцев славной “Дикой дивизии” были или внуками, или — даже сыновьями бывших врагов России. На войну они пошли за Нее, по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы; в истории “Дикой дивизии” — нет ни единого случая даже единоличного дезертирства!»³

¹ Казиев Ш. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке : [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/8407575/?page=48> (дата обращения: 26.12.2014).

² См.: Услар П. К. Этнография Кавказа. Языковедение. I—VII ч. Тифлис, 1887—1896 // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I—IX. Тифлис, 1868—1876.

³ Арсеньев А. Кавказская туземная конная дивизия : [Электронный ресурс]. URL: <http://aulassoki.ucoz.ru/load/13-1-0-208> (дата обращения: 30.05.2014).

С Северного Кавказа вышло множество выдающихся политических деятелей. Одним из них был Максуд Алиханов (Аварский) — это редкий случай, когда в одном человеке сошлись царский генерал и просвещенный дагестанец, размышляющий патриот-традиционалист, и патриот-державник, писатель-государственник, не забывающий о высших целях страны, которой он служил, убежденный в цивилизаторской миссии России. Алиханов всячески поддерживал концепцию мирного развития региона, он писал, что корень зла «не в ношении оружия, даже не в пресловутом фанатизме, на который обыкновенно так охотно все взваливают, а в невежестве народа... в борьбе с этой проказой дивизии не окажут услуг даже последнего фельдшера. У нас есть для этого оружие более достойное нашего времени, это — канонада школьных учителей или акклиматизация науки на горной почве. С корнем самого дерева (невежества) падут, конечно, и его ветви — фанатизм, оружие и потоки ненужной крови» [1, с. 87].

Царскому правительству удалось стабилизировать ситуацию в регионе не только силой оружия, но и своей культурно-просветительской миссией, зародился процесс постепенной системной интеграции северокавказского региона в единое социально-культурное и экономическое имперское российское пространство. Подтверждением этого явилась разработка программы внедрения русского языка на территории Дагестана и приток русского населения на Северный Кавказ. Система регионального управления подверглась модернизации с учетом специфики северокавказского региона. Также была усовершенствована и нормативно-правовая законодательная база, которая соединила в себе российское законодательство с элементами горских адатов и некоторых норм шариата.

Не только российская культура оказала влияние на развитие северокавказских народов, но и Кавказ, в свою очередь, повлиял на российскую культуру, подтверждением чего являются произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, а также мемуары боевых генералов и участников Кавказской войны Р. Фадеева, В. Потто, А. Зиссермана и многих других. Кавказский «отпечаток» прослеживался и в русской военной форме и в придворной моде. В Первую мировую войну служить в рядах «Дикой дивизии» было почетно и престижно, через нее прошло большое число «представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов» [2, с. 35].

Подводя итоги рассматриваемого периода, можно сказать, что к концу XIX — началу XX в. Российская империя перед лицом мирового сообщества закрепила свое присутствие на Северном Кавказе. Процесс интеграции кавказского региона в российское государственное пространство проходил этапами. Временами единая системная нить национальной имперской политики разрывалась; по существу, каждый наместник вырабатывал свою векторную линию интеграции Северокавказского региона.

Во многом базовые системные подходы культурной диффузии, используемые советской властью, были заложены именно в имперский период.

Процесс интеграции Дагестана проходил нелинейно, поскольку каждый народ и этнос, населявший этот горный край, входил под покровительство российской государственности не всегда добровольно. Зачастую, формально изъявляя покорность, те или иные народы рассчитывали на поддержку русского оружия в своих междоусобных локальных конфликтах. С завершением Кавказской войны в менталитете народов, населявших Дагестан, намечается идеологический перелом: желание войти в имперский союз, сохранив свою самобытность, религию и культуру. В свою очередь, Российская империя, всячески поддерживая их культурный суверенитет, вовлекала их в свое социокультурное и политическое пространство.

Литература

1. Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала : Эпоха, 2005.
2. Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия. Екатеринбург : Посылторг, 1994.
3. Геллер М. История Российской империи : в 3 т. М. : МИК, 1997. Т. 1.
4. Дегоев В. В. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. С. 172—186.
5. Потто В. А. Кавказская война : в 5 т. М. : Центрполиграф, 2007. Т. 1.
6. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. : сборник документов XVIII—XIX вв. М. : Наука , 1988.
7. Харатокова М. Г. О роли русского языка в национальных регионах Северного Кавказа // Фундаментальные и прикладные исследования: Образование, экономика и право. 2007. № 11. С. 117—118.
8. Чекалин С. В. Завещание Шамиля: кавказские войны в лицах. М. : Воскресенье, 1998.

References

1. Alihanov M. *In the mountains of Dagestan. Travel experiences and stories of mountaineers* [V gorakh Dagestana. Putevye vpechatleniya i rasskazy gortsev]. Makhachkala : Epoch [Epokha], 2005.
2. Breshko-Breshkovsky N. N. *Wild Division* [Dikaya diviziya]. Yekaterinburg : Posyltorg, 1994.
3. Geller M. *History of the Russian Empire* [Istoriya Rossiiskoi imperii]: The 3 v. M. : MIC [MIK], 1997. V. 1.
4. Degoev V. V. *The Caucasus and the Imperial Idea* [Kavkaz i imperskaya ideya] // Star [Zvezda]. 2004. N 6. P. 172—186.
5. Potto V. A. *Caucasian War* [Kavkazskaya voina] : In 5 v. M. : Tsentrpoligraf, 2007. V. 1.
6. *Dagestani-Russian relations in the XVIII — beginning XIX centuries* [Russko-dagestanskije ot-nosheniya v XVIII — nachale XIX vv.]. Collection of documents XVIII—XIX centuries. M. : Science [Nauka], 1988.
7. Haratokova M. G. *On the role of the Russian language in the ethnic regions of the North Caucasus* [O roli russkogo yazyka v natsional'nykh regionakh Severnogo Kavkaza] // Basic and applied research : Education, economy and law [Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Obrazovanie, ekonomika i pravo]. 2007. N 11. P. 117—118.
8. Chekalin S. V. *Shamil testament: Caucasian war in persons* [Zaveshchanie Shamilya: Kavkazskie voiny v litsakh]. M. : Sunday [Voskresen'e], 1998.